

Федерико Гарсиа Лорка
Диван Тамарита
А. Гелескула

Газеллы

Газелла о неожиданной любви

Не разгадал никто еще, как сладко
дурманит это миртовое лоно.
Не знал никто, что белыми зубами
птенца любви ты мучишь затаенно.

Смотрели сны персидские лошадки
на лунном камне век твоих атласных,
когда тебя, соперницу метели,
четыре ночи обвивал я в ласках.

Как семена прозрачные, взлетали
над гипсовым жасмином эти веки.
Искал я в сердце мраморные буквы,
чтобы из них сложить тебе — *навек*,

навек: сад тоски моей предсмертной,
твой силуэт, навек неразличимый,
и кровь твоя, пригубленная мною,
и губы твои в час моей кончины.

Газелла о пугающей близости

Я хочу, чтоб воды не размывали тины.
Я хочу, чтоб ветер не обрел долины.

Чтобы слепли ночи и прозреть не смели,
чтоб не знало сердце золотого хмеля.

чтобы вол шептался с лебедой вечерней,
чтоб, не видя света, умирали черви,

чтобы зубы череп оголил в оскале,
чтоб желтел их отблеск и на белой шали.

Я слежу, как бьется ночь полуживая,
раненой гадюкой полдень обвивая.

Зелен яд заката, но я выпью зелье.
Я пройду сквозь арки, где года истлели.

Только не слепи ты чистой наготою —
как игла агавы в лозах над водою.

Дай тоской забыться на планете дальней —
но не помнить кожи холодок миндальный.

Газелла об отчаявшейся любви

Не опускается мгла,
чтобы не смог я прийти
и чтобы ты не смогла.

Все равно я приду —
и пускай скорпионом впивается зной.

Все равно ты придешь,
хоть бы губы сжигал тебе дождь соляной.

Не подымается мгла,
чтобы не смог я прийти
и чтобы ты не смогла.

Я приду,
бросив жабам изглоданный мой огнецвет.

Ты придешь
лабиринтами ночи, где выхода нет.

Не опускается мгла,
не подымается мгла,
чтобы я без тебя умирал,
чтобы ты без меня умерла.

Газелла о скрытной любви

*В венок я вплел тебе вербену
лишь ради колокола Велы.*

Гранада, затканная хмелем,
луной отсвечивала белой.

*Сгубил я сад мой в Картахене
лишь ради колокола Велы.*

Гранада раненою серной
за флюгерами розовела.

И ради колокола Велы

*я этой ночью до рассвета
горел в огне твоего тела,
горел, и чье оно – не ведал.*

Газелла о мертвом ребенке

Каждую ночь в моей Гранаде,
каждую ночь умирает ребенок.
Каждую ночь вода садится
поговорить о погребенных.

Есть два ветра – мглистый и ясный.
Крылья мертвых – листья бурьяна.
Есть два ветра – фазаны на башнях
и закат – как детская рана.

Ни пушинки голубя в небе —
только хмель над каменной нишей.
Ни крупинки неба на камне
над водой, тебя схоронившей.

Пала с гор водяная глыба.
Затосковали цветы и кони.
И ты застыл, ледяной архангел,
под синей тенью моей ладони.

Газелла о горьком корне

На свете есть горький корень
и тысячи окон зорких.

Нельзя и рукой ребенка
разбить водяные створки.

Куда же, куда идешь ты?
Есть небо пчелиных оргий —
прозрачная битва роя —
и горький тот корень.

Горький.

С изнанки лица в подошвы
стекает осадок боли,
и ноет обрубок ночи
со свежей слезой на сколе.

Любовь моя, враг мой смертный
грызи же свой горький корень.

Газелла о воспоминании

Останься хоть тенью милой,
но память любви помилуй —

черешневый трепет нежный
в январской ночи кромешной.

Со смертью во сне бредовом
живу под одним я кровом.

И слезы вьюнком медвяным
на гипсовом сердце вянут.

Глаза мои бродят сами,
глаза мои стали псами.

Всю ночь они бродят садом
меж ягод, налитых ядом.

Дохнет ли ветрами стужа —
тюльпаном качнется ужас,

а сумерки зимней рани
темнее больной герани.

И мертвые ждут рассвета
за дверью ночного бреда.

И дым пеленает белый
долину немого тела.

Под аркою нашей встречи
горят поминально свечи.

Развейся же тенью милой,
но память о ней помилуй.

Газелла о темной смерти

Хочу уснуть я сном осенних яблок
и ускользнуть от сутолоки кладбищ.
Хочу уснуть я сном того ребенка,
что все мечтал забросить сердце в море.

Не говори, что кровь жива и в мертвых,
что просят пить истлевшие их губы.

Не повторяй, как больно быть травой,
какой змеинный рот у новолунья.

Пуškai усну нежданно,
усну на миг, на время, на столетья,
но чтобы знали все, что я не умер,
что золотые ясли – эти губы,
что я товарищ западного ветра,
что я большая тень моей слезинки.

Вы на заре лицо мое закройте,
чтоб муравьи мне глаз не застилали.
Сырой водой смочите мне подошвы,
чтоб соскользнуло жало скорпиона.

Ибо хочу уснуть я – но сном осенних яблок —
и научиться плачу, который землю смочет.
Ибо хочу остаться я в том ребенке смутном,
который вырвать сердце хотел в открытом море.

Газелла о чудесной любви

Огонь и гипс
безжалостной пустыни,
была ты в сердце влагой на жасмине.

Огонь и блеск
безжалостного неба,
была ты в сердце шелестами снега.

Пустырь и небо
руки мне сковали.

Пустыни неба
раны бичевали.

Газелла о бегстве

Я не раз затеривался в море,
с памятью, осыпанной цветами,
с горлом, полным нежности и боли.
Я не раз затеривался в море,
как в сердцах детей я затерялся.

Нет ночей, чтоб отзвук поцелуя
не будил безгубые улыбки.
Нет людей, чтоб возле колыбели
конских черепов не вспоминали.

Ведь одно отыскивают розы —
лобной кости лунные рельефы.
И одно умеют наши руки —
подражать корням захороненным.

Как в сердцах детей я затерялся,
я не раз затеривался в море.
Мореход слепой, ищу я смерти,
полной сокрушительного света.

Касыды

Касыда о раненном водою

Хочу спуститься в глубь колодца,
хочу подняться лестницей крутою,
чтобы увидеть сердце,
ужаленное темною водою.

Теряя силы, бредил мальчик
в венке из инея и крови.
Ключи, колодцы и фонтаны
клинки скрестили в изголовье.

О, вспышки страсти, всплески лезвий,
о, белой смерти пение ночное!
О, желтый прах сыпучего рассвета
среди пустыни зноя!
Один на свете, бредил мальчик
с уснувшим городом в гортани.
Прожорливую тину заклинали
приснившихся фонтанов бормотанье.
Агония дугою выгибалась
и, выпрямляясь, холодела.
Сплелись двумя зелеными дождями
агония и тело.

Хочу спуститься в глубь колодца,
и черпать смерти снадобье густое,
и впитывать ее замшелым сердцем,
чтобы найти пронзенного водою.

Касыда о плаче

Я захлопнул окно,
чтоб укрыться от плача,

но не слышно за серой стеной
ничего, кроме плача.

Не расслышать ангелов рая,
мало сил у собачьего лая,
звуки тысячи скрипок
на моей уместятся ладони.

Только плач – как единственный ангел,
только плач – как единая свора,
плач – как первая скрипка на свете,
захлебнулся слезами ветер
и вокруг – ничего, кроме плача.

Касыда о ветвях

В Тамарите – сады и своры,
и собаки свинцовой масти
ждут, когда опустеют ветви,
ждут, когда их сорвет ненастье.

Есть там яблоня в Тамарите,
грозди слез ее ветви клонят.
Соловей там гасит рыдания,
а фазан их пепел хоронит.

Не печалются только ветви —
одного они с нами склада:
вдождь не верят и спят так сладко,
словно каждая стала садом.

На коленях качая воду,
ждали осени две долины.
Шло ненастье слоновьим шагом,
частокол топча тополиный.

В Тамарите печальны дети,
и всю ночь они до восхода
ждут, когда облетят мои ветви,
ждут, когда их сорвет непогода.

Касыда о простертой женщине

Видеть тебя нагой – это вспомнить землю.
Ровную землю, где ни следа подковы.
Землю без зелени, голую суть земную,
замкнутую для времени: грань алмаза.

Видеть тебя нагою – постигнуть жажду
ливня, который плачет о хрупкой плоти,
и ощутить, как море дрожит и молит,
чтобы звезда скатилась в его морщины.

Кровь запоем по спальням и станет эхом,
и тишину расколется клинком зарницы —
но не тебе дознаться, в каких потемках
спрячется сердце жабы и сон фиалки.

Бедра твои – как корни в борьбе упругой,
губы твои – как зори без горизонтов.
Скрытые в теплых розах твоей постели,
мертвые рты кричат, дожидаясь часа.

Касыда о бездомном сне

Жасмин и бык заколотый. Светает.
Булыжник. Арфа. Карта. Полудрема.
Быком жасмина девушка рядится,
а бык – исчадьем сумрака и рева.

Будь это небо маленьким ребенком,
полночи бы жасмином расцветало
и бык нашел бы синюю арену
с неуязвимым сердцем у портала.

Но это небо – стойбище слоновье,
жасмин – вода, не тронутая кровью,
а девушка – ночной букет забытый,
у подворотни брошенный на плиты.

Жасмин и бык. И люди между ними
в пустотах сна подобны сталактитам.
Слоны и облака сквозят в жасмине,
и девичий скелет – в быке убитом.

Касыда о недостижимой руке

Я прошу всего только руку,
если можно, раненую руку.
Я прошу всего только руку,
пусть не знать ни сна мне, ни могилы.

Только б алебастровый тот ирис,
горлицу, прикованную к сердцу,
ту сиделку, что луну слепую
в ночь мою последнюю не впустит.

Я прошу одну эту руку,
что меня обмоет и обрядит.
Я прошу одну эту руку,
белое крыло моей смерти.

Все иное в мире – проходит.
Млечный след и ответ безымянный.
Все – иное; только ветер плачет
о последней стае листопада.

Касыда о розе

Роза,
уже становясь неземною,
искала не утренний проблеск —
искала иное.

Не жаждала света,
ни тьмы не просила, ни зноя —
рубеж полусна-полуяви,
искала иное.

Роза,
застыв под луною,
на небе искала не розу —
искала иное.

Касыда о золотой девушке

В воде она застыла —
и тело золотое
затон позолотило.

Лягушками и тиной
пугало дно речное.
Пел воздух соловьиный
и бредил белизною.
Ночь таяла в тумане,
серебряном и светлом,
за голыми холмами
под сумеречным ветром.

А девушка вздыхала,
над заводью белея,
и заводь полыхала.

Заря горела ясно,

гоня стада коровьи,
и, мертвая, угасла,
с венками в изголовье.
И соловьи рыдали
с горящими крылами,
а девушка в печали
расплескивала пламя.

И тело золотое
застыло цаплей белой
над золотой водою.

Касыда о смутных горлицах

Две горлицы в листьях лавра
печалились надо мною.
Одна из них была солнцем,
другая была луною.
Спросил я луну: «Сестрица,
где тело мое зарыли?» —
«Над сердцем моим», — сказала,
а солнце раскрыло крылья.
И я вдалеке увидел,
по пояс в земле шагая, —
две снежных орлицы взмыли
и девушка шла нагая.
Спросил я у них: «Сестрицы,
где тело мое зарыли?» —
«Над сердцем», — луна сказала,
а солнце сложило крылья.
И я двух нагих голубок
увидел в тени орлиной —
и были одна другою,
и не было ни единой.

